

На правах рукописи

ТЕРЕХОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА

**Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере
«Чигиринского заговора»)**

Специальность 07.00.02 Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени кандидата
исторических наук

Воронеж – 2016

Работа выполнена на кафедре социально-гуманитарных дисциплин социально-гуманитарного факультета БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Милевский Олег Анатольевич

Официальные оппоненты: **Зверев Василий Васильевич**
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы при
Президенте Российской Федерации»,
Институт общественных наук, кафедра
истории российской
государственности, профессор

Мауль Виктор Яковлевич
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Тюменский
индустриальный университет» (филиал
в городе Нижневартовске), кафедра
«Гуманитарно-экономических и
естественно-научных дисциплин»,
профессор

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Саратовский
национальный исследовательский
государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского»**

Защита состоится 31 октября 2016 г. в 17.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.12 в ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» по адресу: 394068 г. Воронеж, ул. Хользунова, 40, учебный корпус № 5, блок А, ауд. 203 «А».

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте www.science.vsu.ru

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.Ю. Захарова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Прошло более 20 лет со дня распада СССР, но и сегодня российское общество находится в поиске дальнейшего вектора цивилизационного развития, что невозможно без определения идеологической составляющей этого развития. При выработке подобного идеологического каркаса объективное и непредвзятое осмысление нашего исторического опыта играет важнейшую роль. Поэтому неудивительно, что политическая элита и научная общественность страны всерьез заговорили о необходимости более взвешенного подхода к наиболее сложным и болезненным проблемам отечественной истории. Одним из таких остро дискутируемых в последние десятилетия вопросов остается отношение к истории российского революционного движения вообще, и революционного народничества в частности.

В этой связи уместно будет привести точку зрения В.А. Твардовской, высказанную на круглом столе в журнале «Российская история»: «Оценивать идеи и действия революционеров вековой давности, исходя из нынешнего миропонимания, значит нарушать принцип историзма».¹

Как справедливо отмечали участники этого круглого стола, сложность и многообразие российского революционного процесса показали, что на сегодняшний день перед историками может стоять только одна задача – проведение последовательного научного исследования, не допускающего «"математической" смены плюс на минус».² Сложно не согласиться с мыслью о том, что сегодня «назрела острая необходимость в более тщательном изучении истории всего освободительного движения XIX в. ... Интерпретируя противоречивые исторические события прошлого, мы должны всеми силами стараться избежать скатывания к упрощенному толкованию и схематическому изображению».³ Как тут не вспомнить слова В.Ф. Антонова, еще в 1991 г. отмечавшего, что «сегодня народничество вновь зовет строптивую науку обратить на себя внимание».⁴

При этом никто не призывает закрывать глаза на неприглядные страницы истории российского революционного движения. Одной из таковых остается вопрос о признании революционерами допустимости безнравственных средств для достижения высшей цели, иначе говоря, использования ими на практике знаменитой макиавеллевской формулы:

¹ Освободительное движение в России: современный взгляд на вещи или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 9.

² Зверев В.В. Русское народничество. Учебное пособие. М., 2009. С. 26.

³ Милевский О.А. «Народная воля» в зеркале современной российской историографии // Преподавание истории в школе. 2013. № 2. С. 73.

⁴ Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые реальности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 18.

«Цель оправдывает средства». В российской действительности XIX в. эта формула была реализована, в том числе, в виде революционных действий, имевших целью обманном путем поднять народные массы на восстание против власти. Эти мистификации принимали разные формы, одной из которых было обращение революционеров к глубинным пластам «народного монархизма», чтобы спровоцировать социальные низы на выступление против правящей элиты под знаменем веры в доброго «царя-батюшку».

Известно, что к «константиновской легенде» прибегали еще декабристы, но в наиболее законченном виде подобную тактику, замешанную на использовании монархических убеждений крестьян, стали применять именно революционные народники, а ее квинтэссенцией стал «Чигиринский заговор». Обращение к заявленной в работе теме делает ее актуальной и с еще одной точки зрения, а именно дает возможность на основе использования современной методологии более глубоко посмотреть на события, происходившие на Чигиринщине, теперь сквозь призму крестьянской психологии, о чем уже начали говорить современные исследователи. Так, В.Я. Мауль отмечал, что «вызывает искреннюю досаду, что в историографии исключительно редко обращалось внимание на те специфические обстоятельства, в силу которых долго и покорно сносившие административный произвол мирные труженики села вдруг обнаружили в себе яростную бунтарскую энергию, удивительную способность к социальной мобилизации, структурной самоорганизации и строгой конспирации».¹

Практически на всем протяжении изучения событий, связанных с обращением к идее «народного монархизма», носителей такового – простой народ – преимущественно изображали только в качестве объекта воздействия, т.е. «невежественной, темной и безликой массой» таким «коллективным бессознательным», пораженным вирусом «наивного монархизма», а потому легко манипулируемым и позволяющим авантюристам различного толка вовлечь себя в сети противогосударственных действий. Сегодняшний уровень развития исторических знаний позволяет отойти от подобных упрощенческих моделей.

Актуальность работы определяется еще и крайне слабой изученностью темы в отечественной историографии, в комплексном и специальном виде такая задача никогда не ставилась исследователями.

Хронологические рамки работы охватывают период с начала 1870-х гг., когда в Чигиринском уезде начались широкомасштабные аграрные беспорядки, до конца 1879 г.

¹ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян) // Культура, наука, образование: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Нижневартовск, 2015. С. 252.

когда в том числе и под воздействием чигиринских событий произошел раскол в «Земле и воле». Однако для более адекватного понимания мотивов монархической мистификации со стороны революционеров-народников в п.1.1. автор обращается к предшествующим страницам истории революционного движения, где участники также использовали идею «народного монархизма» для достижения своих целей.

Территориальные рамки исследования охватывают собой районы Правобережной Украины, преимущественно включающие в себя Чигиринский уезд Киевской губернии, а также города Киев, Одессу, Харьков.

Степень изученности темы. История крестьянского движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1870-е гг. остается малоисследованной темой в отечественной исторической науке, а без выяснения природы крестьянских волнений невозможно понять весь ход дальнейших событий, приведших к «Чигиринскому заговору». Неслучайно, что и сам это заговор, подготовленный в 1876–1877 гг. группой «южных бунтарей» (Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч, И.В. Бохановский), относится к числу слабо разработанных в историографии сюжетов. Образование и деятельность во второй половине 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии подпольной организации «Тайная дружина» практически не оказывались объектом специальных научных исследований, и уж тем более никогда не предпринималась попытка комплексного изучения Чигиринских событий с обращением к народническому опыту использования «монархической мистификации».

Вся историография работ по изучению «Чигиринского заговора» и событий, тесно связанных с ним, по хронологическому принципу делится на несколько этапов.

Первый этап – дореволюционная историография, которую, в свою очередь, также можно разделить на несколько составляющих. К первой наиболее малочисленной и менее всего информативной группе относятся сочинения официозных историков, в частности, С.С. Татищева. В своей монографии он ограничился самой общей констатацией факта и оценки его с охранительных позиций, даже без указания имен основных участников чигиринских событий со стороны революционеров.¹

Другую группу работ дореволюционных авторов составляют труды историков либеральной ориентации. Их объединяет достаточно серьезная проработка темы, связанной с историей народничества и развития общественных движений в России во второй половине XIX в., где они рассматривают и «Чигиринское дело». При оценке позиции этих исследователей следует отметить, что в целом при вполне

¹ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: АСТ, 2006. С. 895–896.

благожелательном отношении к народникам само «Чигиринское дело» они оценивали крайне негативно.

Так, В.Я. Богучарский, рассмотрев эту историю достаточно подробно, утверждал, будто Я.В. Стефанович «затял дело, составляющее одну из самых темных страниц русского освободительного движения».¹ Схожего мнения в оценке чигиринских событий придерживались и остальные либеральные историки, такие как Л.Е. Барриве,² А.А. Корнилов³ и Б.Б. Глинский.⁴

Следует отметить, что вслед за В.Я. Богучарским, Б.Б. Глинский и остальные историки либерального направления не обращались к обстоятельному изучению вопроса об используемых революционерами методах и способах воздействия на традиционный монархический менталитет крестьян.

В отдельную историографическую группу можно выделить работы иностранных дореволюционных авторов, рассматривавших «Чигиринский заговор». Наиболее удачным в этом отношении, несомненно, является исследование швейцарского ученого А. Туна.⁵ В книге, увидевший свет первоначально на немецком языке еще в 1883 г. и написанной в целом в русле традиций российских историков либерального направления, автор при анализе развития революционного движения в России достаточно подробно остановился на освещении «Чигиринского заговора». Весьма удачно А. Тун провел параллель между «Чигиринским делом» и мистификациями с помощью подложных манифестов 1860-х гг., а также действиями С.Г. Нечаева. В каком-то смысле можно говорить, что А. Тун первым из исследователей выдвинул тезис о такой родовой черте, присущей российскому революционному лагерю, как беспринципное манипулирование людьми под прикрытием лозунга «цель оправдывает средства».

Надо сказать, что среди книг иностранных авторов о революционном движении в России это была самой удачной и единственной, в которой освещались Чигиринские события. Другие – оказались в этом отношении менее подробными. Даже претендующая на всеохватность (от конца правления Николая I до начала правления Николая II. – С.Т.) книга К. Циллиакуса никак не затронула Чигиринские события.⁶

В особую группу можно выделить работы авторов революционно-демократической направленности, занимающие своеобразное промежуточное положение между

¹ Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 253.

² Барриве Л.Е. Освободительное движение в царствование Александра Второго. Исторические очерки. М., 1909.

³ Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881) / Исторические очерки. М., 1906.

⁴ Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). Исторические очерки. СПб., 1913.

⁵ Тун А. История революционного движения в России. Пг., 1917. С. 120.

⁶ Циллиакус К. Возникновение и развитие революционного движения в России. СПб., 1906.

исследовательскими работами и опубликованными источниками. К сочинениям подобного типа, принадлежащим перу непосредственных свидетелей событий, можно отнести очерки С.М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» и статьи Г.В. Плеханова. Книга С.М. Степняка-Кравчинского носила ярко выраженный публицистический характер, к тому же была написана для западного читателя (первоначально она увидела свет на итальянском языке. – С.Т.).¹

В оценке «Чигиринских событий» С.М. Кравчинский придерживался позиции характерной тогда для большинства народников – порицал метод «революционной мистификации», используемый Я.В. Стефановичем, но при этом превозносил его организаторские и личные достоинства.²

Что касается нескольких статей Г.В. Плеханова, затрагивающих «Чигиринский заговор», то с учетом того, что это были статьи, носившие оценочные суждения, а не просто воспоминания, их также вполне правомочно отнести к этой группе. В них Г.В. Плеханов давал негативную оценку «Чигиринским событиям».³ Его статьи, посвященные данной проблематике, в первую очередь интересны характеристикой отношения революционеров-землеольцев к этому делу и тех дискуссий в народнической среде, которые оно вызвало.⁴

Второй этап историографии, посвященной изучению «Чигиринского дела», берет начало после Октября 1917 г. Зарождающаяся на базе марксистского подхода советская историография в контексте общего изучения народнического этапа революционного движения, так или иначе, обращалась и к его истории. Особенно активно такие попытки предпринимались исследователями до середины 1930-х гг., когда, с одной стороны, живы были некоторые представители революционного движения, напрямую связанные с осуществлением «Чигиринского дела», например, Л.Г. Дейч. С другой стороны, молодая советская историческая наука активно занималась изучением революционной теории и практики и делала это довольно свободно в рамках оживленных исторических дискуссий.

Вообще следует признать, что именно с середины 1920-х до начала 1930-х гг. изучение различных течений российского революционного движения через публикацию огромного массива источников и появления работ, написанных как представителями «старого народничества», так и в марксистском ключе, шло очень плодотворно.

¹ Таратута Е.А. Подпольная Россия. Судьба книги С.М. Степняка-Кравчинского. М., 1967. С. 47, 62.

² Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия // Собр. соч.: в 2 т. Т.1. М., 1987. С. 370–371.

³ Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию А. Туна «История революционного движения в России» // Собр. соч. Т. XXIV. , 1927. С. 122–124.

⁴ См. подр.: Плеханов Г.В. Г-жа Брешковская и Чигиринское дело // Собр. соч. Т. XII. М.–Л., 1923. С. 351–357.

Так, уже в 1919 г. историк Т.А. Богданович дал оценку «Чигиринского дела» глазами крестьян. Отмечая их приверженность вере в «доброе царя», он писал: «Крестьяне долго не хотели верить, что все затеянное Стефановичем дело было мистификацией, они ведали в аресте происки враждебных им чиновников и ожидали, что царь прикажет, в конце концов, освободить их. Зато, когда они, наконец, поняли, что были введены в обман, они почувствовали величайшую ненависть к Стефановичу..., его предприятие не только не удалось, но дало самый определенный результат, внушив крестьянам... чрезвычайное недоверие к господам, явившимся к ним якобы с желанием им блага».¹ Собственно, Т.А. Богданович не добавил ничего нового к той оценке событий, которую ранее давали дореволюционные либеральные историки.

С народнических позиций в оценке «Чигиринского дела» выступал его непосредственный участник Л.Г. Дейч. В своей брошюре, выпущенной Харьковским отделением «Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев» на украинском языке, он пересказывал основную канву событий и давал оценку этого мероприятия с сугубо народнических позиций.²

Что касается работ историков-марксистов, то следует признать, что «Чигиринское дело» в чистом виде их мало интересовало. Если они его и касались, то только в контексте иллюстрации ошибочности народнической теории «о социалистических инстинктах русского мужика». В частности, подобного подхода придерживался Н.А. Рожков.³ В это же время усилиями историков в научном обиходе закреплялся взгляд о «наивном монархизме крестьян», выводимый из работ В.И. Ленина.⁴

Наиболее весомый вклад в отношении ставки народников-бунтарей на создание «народно-революционных организаций» и в оценку собственно «Чигиринского дела» принадлежал М.Н. Покровскому. Он отметил, что эта «единственная попытка массового крестьянского движения, которую удалось вызвать революционерам-народникам 70-х годов, кончилась хуже, чем просто неудачей».⁵ По его мнению, главным образом это объяснялось тем, что крестьянам на Чигиринщине был чужд социализм.

В отношении собственно чигиринских событий интересна его трактовка их предыстории, связанная с оценкой социально-экономической ситуации, сложившейся в этом уезде. Интересна она именно тем, что он первым четко сформулировал общий тренд,

¹ Богданович Т.А. «Хождение в народ». Пг., 1919. С. 49.

² Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків., 1929.

³ Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.- Л., 1928. Т. 7. С. 179–181.

⁴ См. напр.: Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1967–1981. Т. 16. С. 193–413; Он же. Новая аграрная политика // Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1967–1981. Т. 16. С. 422–426.

⁵ Там же, с. 455.

в котором потом будет развиваться вся дальнейшая советская историография в интерпретации причин аграрных беспорядков в Чигиринщине. М.Н. Покровский с марксистских позиций объяснял эти беспорядки столкновением интересов зажиточных крестьян – сторонников подворного участкового землевладения и бедных крестьян-душевиков, и отмечал, что тема этого спора среди крестьян «была необыкновенно близка нашему времени».¹

Собственно, остальные представители марксистской исторической школы приняли подходы М.Н. Покровского применительно к оценкам «Чигиринского дела» и дальше не шли. Даже в объемной и достаточно фактографичной работе В.И. Невского об этом событии только упоминается,² а упор делается на анализе идей Я.В. Стефановича, в частности, его работы «Наши задачи на селе».

Во многом под влиянием оценок В.И. Ленина и М.Н. Покровского действовали создатели сборника документов по истории крестьянского движения на Чигиринщине.³ Во вступительной статье ее автор О.С. Сенченко рассматривал и анализировал крестьянское движение в этом регионе с точки зрения все той же марксистской парадигмы.

К сожалению, для советской историографии, поступательное изучение истории народничества в середине 1930-х гг. было прервано.

Третий этап развития историографии берет начало в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В этот период времени «сталинское табу» на народническую тему было снято, и исследователи постепенно вернулись к изучению дискуссионных проблем истории народничества. Первым в постсталинский период развития историографии упомянувшим о «Чигиринском деле» был историк Ш.М. Левин. В своем обобщающем труде он посвятил ему несколько осторожных строк. В частности, он указал на готовность «части народников к использованию опасных и принципиально недопустимых приемов».⁴ Он писал о попытке Я.В. Стефановича построить все предприятие «на наивной вере крестьян», но при этом избегал любого упоминания об их «народном монархизме», зиждившемся на вере в абсолютную царскую справедливость.

Примерно в это же время появляется фундаментальная работа Д.П. Пойда, посвященная изучению крестьянского движения на Правобережной Украине в пореформенный период.⁵ На основе широкого круга материалов из архивов УССР и РСФСР он смог воссоздать панораму протестного аграрного движения на правобережной

¹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 454.

² Невский В.И. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930. С. 91.

³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків., 1934.

⁴ Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е гг. XIX в. М., 1958. С. 388.

⁵ Пойда Д.П. Крестьянское движение на правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск, 1960.

Украине, где большое внимание уделил событиям в Чигиринском уезде, причем серьезно исследовал и первое «Чигиринское дело» начала 1870-х гг. Естественно для того времени, что работа была выполнена в классической марксистской методологии.

При всей ограниченности классового подхода при изучении протестной активности крестьянства следует признать, что эта работа своим погружением в ранее неизвестные обстоятельства аграрных беспорядков многое давала, особенно в информационном плане, последующим исследователям этой темы. Что касается изучения «Чигиринского заговора», то следует отметить, что Д.П. Пойда не просто вслед за предшественниками описал ход событий, но и ввел в оборот новые источники. В частности, при исследовании архивных материалов он первым обратил серьезное внимание на непосредственное участие местных священников в разоблачении действий революционеров.

Рассматривая «Чигиринский заговор», исследователь в традиционной для историков-марксистов манере отмечал, что «прием, который применила группа Я. Стефановича в чигиринских событиях, характеризует в какой-то мере политическую незрелость многих представителей народнического движения. Но, несмотря на это, события произошедшие в 70-х годах XIX века в Чигиринском и некоторых других уездах, объективно имели огромное воспитательное значение, способствуя росту политического сознания крестьянства».¹

В целом этот посыл Д.П. Пойды стал доминирующим для других украинских историков, в том или ином виде его в своих работах повторяли М.П. Рудько² и М.Н. Лещенко.³ Что касается других исследований этого периода, направленных на изучение крестьянских движений, то в них события на Чигиринщине рассматривались как типовое явление в ряду массовых крестьянских движений пореформенной эпохи.⁴

Нельзя сказать, что дальнейшее развитие народнической тематики прибавило что-то принципиально новое в историю «Чигиринского дела». Оно так и не стало предметом специального изучения советских историков, предпочитавших обходить его стороной и ограничивавшихся в лучшем случае общей констатацией фактов, либо рассмотрением этого события, как элемента в повороте части народников к политической борьбе. Такую

¹ Пойда Д.П. Крестьянское движение на правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск, 1960. С. 230.

² Рудько М.П. Революційні народники на Україні (70-ті роки XIX ст.). Киев, 1973. С. 133.

³ Лещенко М.Н. Класова боротьба в українському селі в епоху домоноплістичного капіталізму (60–90 рр. XIX ст.). Киев, 1970. С. 197–198.

⁴ См. напр.: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 288–291; Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 206–210 и др.

точку зрения высказал в своей работе М.Г. Седов.¹ В подобном же ключе рассматривала «Чигиринское дело» В.А. Твардовская, отмечавшая, что оно продемонстрировало всю бесперспективность работы в деревне и выдвинуло на повестку дня необходимость политической борьбы за демократические свободы.²

Даже в перестроечный и постперестроечный период диапазон подходов к изучению «Чигиринского дела» не слишком изменился. Его по-прежнему рассматривали как доказательство нереволуционности крестьянских масс, а отсюда делался вывод, что в сложившихся исторических условиях в народе оставалось возможным «только авторитарное движение».³

В 1992 г. появилось исследование И.Л. Кислицыной, в котором немалое место отводилось истории «Чигиринского заговора».⁴ Работа была выполнена в традиционном для советской историографии ключе под сильным влиянием работ Д.П. Пойды и других представителей марксистского направления 1960-х гг.

В начале XXI в. увидело свет обобщающее исследование крупнейшего из числа историков марксистского направления специалиста по изучению революционного народничества Н.А. Троицкого «Крестonosцы социализма». В нем содержалась своеобразная квинтэссенция оценки «Чигиринского дела» в советской историографии. «Чигиринское дело, – писал Н.А. Троицкий, – осталось беспрецедентным в практике народников, но не случайным эпизодом. Оно отразило в уродливой форме (как ранее нечаевщина – по отношению к самим народникам) революционный порыв народников по отношению к крестьянству».⁵

В целом резюмируя общий вклад советской историографии в изучении этой темы, необходимо отметить следующее. Во-первых, в ней познавательный акцент смещался в сторону группы революционеров (Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч, И.В. Бохановский), с помощью подложных царских грамот, попытавшихся разбудить стихию народного бунта.

Во-вторых, в компаративном плане было обстоятельно изучено хозяйственное положение бывших государственных крестьян юго-западной окраины Российской империи и проанализирована степень обоснованности их стремления силой добиваться земельного передела. Благодаря совместным усилиям дореволюционных и советских историков в целом им удалось в основных чертах реконструировать последовательный ряд произошедших на Чигиринщине событий.

¹ Седов М.Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966. С. 76.

² Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969. С. 36–37.

³ Пирумова Н.В. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990. С. 251.

⁴ Кислицына И.Л. Бакунизм на юге России (70-е гг. XIX века). Владивосток, 1992. С. 135–161.

⁵ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 203.

Однако и те, и другие историки не обращали должного внимания на социокультурную подоплеку произошедших в Чигиринском уезде событий, и уж тем более никто не задавался задачей посмотреть на них через призму крестьянской психологии.

Сегодняшний уровень научных представлений позволил историкам пойти дальше уже имеющихся весьма схематичных «объясняющих» моделей. Появилось несколько работ, в которых современные исследователи попытались по-иному посмотреть на Чигиринское дело. Например, это касается статьи Ю.А. Пелевина «Южные бунтари и «Чигиринский заговор». В ней в рамках ранее сложившихся представлений достаточно много места посвящено анализу деятельности «южных бунтарей» и описанию фактической канвы «Чигиринского дела».¹

В ином методологическом ключе написаны работы историка В.Я. Мауля. В некоторых из них он использовал методологию микроистории, направленной на изучение судьбы «маленького человека» волею обстоятельств втянутого в орбиту макроисторических процессов.²

Отдельно можно выделить работы иностранных авторов, в которых, так или иначе, упоминались события, связанные с «Чигиринским делом». Надо сразу отметить, что специально этот вопрос в западной историографии не рассматривался. Однако в контексте общего изучения революционно-народнического движения 1870-х начала 1880-х гг., которое, по справедливому утверждению М.Д. Карпачева, стало «одной из центральных тем в англо-американском ... россиеведении»,³ обращение к истории «Чигиринского заговора» имело место.

Среди иностранных историков, использовавших данный сюжет, можно выделить А. Улама. В фундаментальной монографии «Большевики»,⁴ в главе, посвященной истории народничества, он использовал «Чигиринское дело» как пример, по его мнению, полностью объясняющий «все ошибки и вытекающие из них следствия «хождения в народ».⁵ Рассматривая сам заговор, он указывал, что «это было не что иное, как рискованная авантюра в духе прежних восстаний, когда во главе восставших вставал

¹ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 150.

² Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 114–126; Он же. Волнения крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в 1870-е гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015. С. 123–128.

³ Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. М., 1990. С. 154.

⁴ Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004.

⁵ Там же, с. 75.

самозванец, действовавший от имени императора или утверждавшего, что и есть император».¹

К Чигиринским событиям обращался и С.Х. Барон. При написании биографии Г.В. Плеханова он использовал эти факты в традиционном для тогдашней (книга вышла в 1963 г. – С.Т.) англо-американской историографии ключе – в качестве иллюстрации «безнадежности народнического дела в то время».²

Из работ, появившихся в последние годы, наибольший интерес вызывает статья американского историка Д. Филда. В ней он апеллирует к опыту «Чигиринского заговора» как раз в плане исследования проявлений «народного монархизма» и протестной психологии крестьян.³

К сожалению, следует признать, что в современной Украине тематика, связанная с деятельностью революционных народников, в том числе и на чигиринщине, сегодня не в чести. Украинские историки предпочитают воспевать героическое прошлое Чигирина, как колыбели украинской нации,⁴ игнорируя все, что с этим прямо не связано.

Таким образом, проведенный историографический анализ ясно показывает, что до сих пор нет ни одной комплексной работы, в которой предпринималась бы попытка осветить ход Чигиринских событий под другим углом зрения – с точки зрения изучения природы «монархической мистификации», использованной революционерами-народниками для воздействия на крестьянскую психологию, с целью вызвать широкое крестьянское движение. Кроме того, чигиринские события представляют особый интерес для понимания природы народного недовольства и механизмов его детерминации в условиях пореформенной России.

Исходя из проведенного анализа литературы по данной теме, **объектом исследования** является деятельность революционеров-народников в крестьянской среде по созданию народно-боевых организаций, с целью подготовки открытого выступления против существующего в России социального строя.

Предметом исследования является практика революционеров-народников по использованию идеи «народного монархизма» на примере «Чигиринского заговора».

Цель настоящего исследования заключается в комплексном изучении событий «Чигиринского заговора» от выявления настроений и психологических установок крестьян в ходе аграрных беспорядков в Чигиринском уезде Киевской губернии на

¹ Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. С. 76.

² Барон С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998. С. 56.

³ Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 110–115.

⁴ См. напр.: Мицик Ю.А. Чигирин – гетьманска столиця. Киев, 2007.

протяжении 1870-х гг. до использования революционерами-народниками крестьянского недовольства в своих целях с помощью монархической мистификации, построенной на традиционно присущем крестьянам «народном монархизме».

Достижение цели предполагает решение ряда конкретных промежуточных **задач**, а именно:

- выявление истоков использования идеи «народного монархизма» в революционной практике;
- анализ причин и последствий аграрных беспорядков на Чигиринщине в конце 1860-х – середине 1870-х гг.;
- рассмотрение итогов и уроков «хождения в народ» 1874 г. на Украине;
- оценка деятельности кружка «Южных бунтарей» по идейному обоснованию и организации широкомасштабного крестьянского движения на Правобережной Украине;
- детальное изучение всех аспектов самого «Чигиринского заговора»;
- выяснение значения «Чигиринского дела» в дальнейшем развитии революционно-народнических организаций в России.

Источниковая база исследования. Важнейшую группу источников составляют опубликованные документы, связанные с аграрным движением в Чигиринском уезде и непосредственно с «Чигиринским заговором». Прежде всего, это публикации документов в журнале «Былое».¹

В советский период были изданы сборники документов по крестьянскому движению, напрямую затрагивающие аграрные волнения в Чигиринском уезде и события, непосредственно связанные с «Чигиринским делом».² В контексте общего знакомства с событиями, происходившими в революционном лагере в 1870-х гг., большой интерес представляют опубликованные в разные годы сборники документов.³

Ко второй группе источников относятся неопубликованные материалы, содержащиеся в архивохранилищах России и Украины. Ведущее место среди них принадлежит ГА РФ: очень важная информация по теме исследования была обнаружена в Ф.112. (Особое Присутствие Правительствующего Сената) - показания Я.В. Стефановича, И.В. Бохановского и Л.Г. Дейча; материалы допросов наиболее активных крестьян-

¹ Документы по Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 257–261.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 pp.). Харків, 1934; Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сб. док-тов / Под. ред. П.А. Зайончковского. М., 1968; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. 1876 – 1882 гг. М., 1965. С. 109–125.

³ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870 – 1875 гг. М., 1964; Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М., 1997; Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сб. документов. М.; СПб., 2012.

чигиринцев, материалы Киевской палаты Уголовного и гражданского суда ¹, переписка официальных лиц в связи с побегом из Киевской тюрьмы Я.В. Стефановича и др. ² Активно использовались документы из Ф. 109. (Третье отделение. Е.И.В. канцелярии) ³ и материалы из Ф. 533. (Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев).

Также использовались материалы Государственного архива в г. Тобольске (ГБУТО ГА) из фонда Ф.И. 152. («Дело о розыске бежавших из Киевской тюрьмы государственных преступников Дейча, Стефановича, Бохановского и надзирателя С. Тихонова»).

При работе над темой привлекались материалы из Центральной державной исторической архива Украины у м. Києві (ЦДАК України). В частности, это материалы Ф. 274. (Киевское губернское жандармское управление) - «Заключение и приговор Киевской соединенной судебной палаты по обвинению Стефановича Я.В., Дейча Л.Г., Бохановского И.В. и других лиц в создании народнической нелегальной организации в Чигиринском уезде / «Чигиринское дело» /⁴ и «Чигиринское дело» в Киевской губернии (Особое приложение к Киевским губернским ведомостям).⁵ Частично использовались документы из Ф. 442. (Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор). ⁶

Эти документы, наряду с документами из ГА РФ, позволили не только воссоздать целостную картину событий, происходивших в Чигиринском уезде за период с начала 1870-х по 1877 гг., но и глубже осмыслить мотивы действий крестьян, методы воздействия революционеров на крестьянское сознание, ход и логику жандармского дознания.

Также использовались материалы Государственного архива в г. Тобольске (ГБУТО ГА) из фонда Ф.И. 152. («Дело о розыске бежавших из Киевской тюрьмы государственных преступников Дейча, Стефановича, Бохановского и надзирателя С. Тихонова»).

Неоценимую помощь для изучения данной темы играют материалы периодической печати того времени. Среди них можно выделить как материалы официальной печати

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 1–62.

² Там же, Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 591–593.

³ ГА РФ. Ф. 109. 3-я эксп. 1875. Д. 144. Л. 1–14об.; Там же, Ф. 109. 3-я эксп. 1877. Ед. хр. 262. Ч. 1, Ч. 2.

⁴ ЦДАК України. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 22–60.

⁵ Там же, Л. 1–20об.

⁶ ЦДАК України. Ф. 442. Оп. 310. Д. 328.

⁷ ГБУТО ГА. Ф.И 152. Оп. 8. Д. 81.

(например, газета «Киевлянин») ¹ так и революционной («Работник», «Община», «Земля и Воля»)².

Опубликованные и неопубликованные документы по крестьянскому и революционному движению органично дополняются воспоминаниями революционеров-народников - непосредственных участников и очевидцев тех событий. В этом ряду особенно хотелось бы выделить свидетельства Я.В. Стефановича и Л.Г. Дейча, В.К. Дебогория-Мокриевича, Н.К. Буха, М.Ф. Фроленко, ³ воспоминания П.Б. Аксельрода, Е.К. Брешко-Брешковской и других революционеров. ⁴ Также сохранился ряд мемуарных свидетельств, затрагивающих вопрос о дискуссиях относительно оценки «Чигиринского дела» происходящих внутри «Земли и воли», и роли революционеров-чигиринцев в создании «Черного передела». ⁵

Методологическая основа диссертации. Исследование основано на базовых принципах исторического познания: научной объективности, историзма и системности.

Для полного раскрытия темы диссертации, в работе используется специально-исторические методы исследования:

¹ Чигиринское дело (По официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 95, 96, 97, 98.

² См. напр.: Иван Никифоров. Киев (июнь) // Работник. 1875. № 8. С. 76–78. // Газета «Работник» (1875 – 1876 гг.). Ред. и вступит. статья В.И. Невского. М., 1933; «Вперед!». Двухнедельное обозрение. Paris, 1969. С. 48; «Вперед». Непериодическое издание. Т. V. 1877. Paris, 1970. С. 59–67; Дейч Л. Письмо в редакцию «Общины». Зверская расправа с Гориновичем // Община. Социально-революционное обозрение. Париж, 1878. № 8–9. С. 16–17; Яков Стефанович. Наши задачи в селе (письмо в «Общину») // Община. Социально-революционное обозрение. Париж, 1878. № 8–9. С. 33–38; [Н.К. Бух]. Первое Чигиринское дело // Начало. Орган русских революционеров. № 1. Март 1878. // Революционная журналистика семидесятых годов. Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов-на-Дону, 1907. С. 16–19; [С.М. Кравчинский]. Передовая статья // Земля и воля. Социально-революционное обозрение. № 1. 25 октября 1878 г. // Революционная журналистика семидесятых годов. Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов-на-Дону, 1907. С. 68–78; «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.-Пг., 1923. С. 141–165; С. 199–214.

³ Я.С. Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная Дружина» (Опыт революционно-народной организации) // «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 141–165; С. 199–214; Он же. Дневник карийца. СПб., 1906; Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків, 1929; Он же. За полвека. М., 1925. Т. 1. Ч. 2. С. 9–61; Он же. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда (Из архива III Отд., 3-й экспедиции. Дело за № 262, часть 2-я, от июля 1877 г по сентябрь 1878 г.) // Исторический архив. 1921. № 1. С. 73–79; Он же. Я.В. Стефанович среди народовольцев // Группа «Освобождение труда». Сб. док-ов, воспоминаний. Вып. 4. М., 1926. С. 96–121.

⁴ Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. СПб, 1906; Он же. От бунтарства к терроризму. М.-Л., 1930. Кн. 1. С. 258–382; Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 107–141; Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 58–65; 96–106; Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923; Из архива П.Б. Аксельрода. Берлин, 1924; Брешко-Брешковская Е.К. Воспоминания пропагандистки // Община. 1878. № 6–7. С. 25–29; № 8–9. С. 9–16; Она же. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М., 2006; Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931; Чудновский С.Л. Из дальних лет (отрывки воспоминаний 1869 – 1872 гг.) // Былое. 1907. № 10. С. 218–241; Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928 и др.

⁵ См. напр.: Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924; Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933; Морозов Н.А. Повести моей жизни. Мемуары. Т. 2. М., 1961; Дейч Л.Г. Социалистическое движение начала 70-х годов в России. Ростов-на-Дону, 1925; Серебряков Е.А. Очерк по истории «Земли и воли». СПб., 1906; Тютчев Н. К характеристике Я.В. Стефановича // Былое. 1921. № 16. С. 210–208; «Народная воля» и «Черный передел». Л., 1989; Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986; Л.А. Воспоминания. М., 2003 и др.

– сравнительно-исторический подход позволил осуществить ряд важных сопоставлений, в том числе при сравнении использования в разные исторические периоды революционерами «монархических мистификаций».

– метод проблемно-хронологического анализа способствовал рассмотрению отдельных проблем в хронологической последовательности.

– историко-типологический метод послужил для изучения принципиально однородных в пространственно-временном и социокультурном отношениях процессов развития чигиринского феномена на фоне крестьянских волнений и революционного народничества, протекавших в различных регионах страны на протяжении пореформенного периода.

Решая поставленные в диссертации задачи, автор полагает, что любая научная теория является естественно ограниченной. Тем более, это важно при проведении исследования, затрагивающего вопросы «ментальной истории». Поэтому для получения новых, более адекватных результатов требуется применение современных методов исторического познания.

Поскольку в центре внимания будут оказываться конкретные революционеры-народники, крестьянские вожаки, а также отдельные их сторонники или объединения, следует отметить необходимость применения микроисторического подхода, в поле зрения которого находятся отдельные малые социальные группы, организации, индивиды в контексте их повседневных и экстраординарных поведенческих и коммуникационных практик.

Кроме того, лучше осветить поставленную проблему позволит обращение к гносеологическому потенциалу новейших отечественных исследований по социальной психологии крестьянства: И.Л. Андреев, А.В. Гордон, С.Д. Домников, О.Г. Усенко, Л.В. Милов, П.С. Кабытов, М.Д. Карпачев и др.,¹ а также к работам западных ученых, изучавших протестное движение крестьян в дореволюционной России: П. Аврич, Дж.

¹ См., напр.: Андреев И.Л. Анатомия самозванства... С. 110–117; Он же. Самозванство и самозванцы на Руси... С. 46–56; Гордон А.В. Крестьянские восстания в Китае XVII–XIX вв. Методологические проблемы изучения крестьянских движений в новейшей западной историографии. М., 1984; Он же. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989; Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002; Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Российская ментальность: методы и проблемы изучения (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 3). М., 1999. С. 23–77; Он же. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1994–97. Ч.1–3; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999; Карпачев М.Д. О правосознании воронежской деревни на рубеже XIX–XX вв // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под. ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. Воронеж, 2003. С. 255–264.

Александр, Дж. Биллингтон, Дж. Блам, П. Паскаль, М. Перри, Д. Филд.¹ Большим подспорьем должны оказаться историко-культурные концепции В.М. Живова, Ю.М. Лотмана, П.А. Успенского и других авторов.²

Научная новизна исследования. Впервые предпринимается попытка исследования практики использования революционерами-народниками идей «народного монархизма». В специальном виде такая задача никогда не ставилась в историографии. Между тем, чигиринские события представляют особый интерес для понимания природы народного недовольства и механизмов его детерминации в условиях многонационального общества, разделенного по сословному и конфессиональному признакам. Обращение к комплексному изучению Чигиринских событий, в частности, к опыту использования народниками монархической мистификации по принципу «цель оправдывает средства», позволит также ликвидировать серьезные «лакуны» в исследовании теории и практики революционного народничества. Тема диссертационного исследования «Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере Чигиринского заговора)» впервые является предметом специального рассмотрения и реализуется в настоящей работе в следующих элементах новизны:

- в источниковедческом аспекте выявлены и введены в научный оборот документы, напрямую связанные с «Чигиринским делом», хранящиеся в ГА РФ (Ф. 109, Ф. 112) и ранее практически не использовавшиеся историками;
- раскрыта сущность трактовки идеи «народного монархизма» в историографии; выявлены истоки использования идеи «народного монархизма» в революционной практике;
- проведен анализ крестьянского движения второй половины XIX века в Чигиринском уезде, выявлены причины аграрных беспорядков на Чигиринщине в конце 1860-х – начале 1870-х гг. Обоснован вывод о том, что главным ментальным катализатором активности участников крестьянского движения на Чигиринщине была незыблемая вера крестьян в «справедливого царя»;
- выявлены теоретико-организационные причины пересмотра некоторых программных и тактических положений народнической доктрины, в частности обращение бакунистов в

¹ См., напр.: Avrich P. Russian Rebels 1600–1800. N.Y., 1972; Александр Дж.Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773 – 1775 гг. Уфа, 2011; Он же. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа, 2012; Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001; Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to Nineteenth Century. Princeton, 1961; Паскаль П. Пугачевский бунт. Уфа, 2010; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995; Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 110–115.

² См., напр.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996; Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.

лице «южных бунтарей» к ранее еще неиспользованным народниками способам воздействия на крестьянские массы в попытке поднять их на антиправительственное восстание, через традиционное монархическое мировоззрение и присущую им веру в «справедливого царя»;

- дана оценка деятельности кружка «южных бунтарей» и определена особая роль его представителей (Я. Стефановича, Л. Дейча, И. Бохановского) в идейном обосновании и организации восстания крестьян на Правобережной Украине посредством использования подложного царского манифеста.

- реконструированы события 1877 г. в Чигиринском уезде: от зарождения идеи до практически полного формирования тайного крестьянского общества в Чигиринском уезде;

- обоснованы выводы о том, что действия группы «южных бунтарей», связанные с практической реализацией «Чигиринского заговора», оказали серьезное влияние на дальнейший ход всего народнического движения: фактически они послужили катализатором распада «Земли и воли», а чигиринский опыт оказал большое влияние на выработку программно-тактических положений народнической организации «Черный передел».

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В диссертационном исследовании в результате анализа генезиса идеи «народного монархизма» было установлено, что уже с первой четверти XIX века в российском революционном движении, наряду с другими формами (военная революция, заговор и пр.), использовались идеи «народного монархизма» с целью воздействия на общественные низы для втягивания их в борьбу за водворение новых социальных идеалов. В качестве фитиля, который должен был привести массы в движение, задействовались «константиновская легенда», самозванчество «вельможного» типа и распространение благоприятных для народа слухов с помощью качественно выполненных подложных царских манифестов.
2. Анализ крестьянского движения второй половины XIX века в Чигиринском уезде показал, что в период с конца 1860-х до 1875 г. четко проявился «народный монархизм». Сделан вывод о том, что незыблемая вера крестьян в «справедливого царя» была главным ментальным катализатором активности участников крестьянского движения на Чигиринщине.
3. Исследование показало, что провал «хождения в народ» поставил уцелевших от арестов революционеров перед необходимостью пересмотра некоторых программных и тактических положений народнической доктрины. Крайние бакунисты в лице

«южных бунтарей» начинают склоняться к мысли об обращении к ранее еще неиспользованным народниками способам воздействия на крестьянские массы в попытке поднять их на антиправительственное восстание, используя их традиционное монархическое мировоззрение и присущую им веру в «справедливого царя».

4. В результате исследования было установлено, что к лету 1876 г. в среде народников-южан явственно обозначился программно-тактический кризис, вызванный безрезультатными попытками организовать народное восстание. Я.В. Стефанович, верный своим идеям, фактически создал в Киеве в конце 1876 г. небольшую революционную организацию. Целью оставалась подготовка восстания крестьян в Чигиринском уезде посредством использования подложного царского манифеста.
5. На основании введения в научный оборот новых архивных материалов удалось реконструировать события 1877 г. в Чигиринском уезде: к началу июня 1877 г. Я. Стефановичу и группе «южных бунтарей» на основе обращения к традиционно присущему крестьянству «народному монархизму» с помощью подложных царских документов («Высочайшая тайная грамота», «Устав крестьянского общества Тайная дружина», «Обряд святой присяги») удалось под носом у властей практически полностью сформировать тайное крестьянское общество в Чигиринском уезде.
6. Изучение материалов Чигиринского дела позволило прийти к заключению, что действия группы «южных бунтарей», связанные с практической реализацией «Чигиринского заговора», в частности, создание среди крестьян народно-боевой организации «Тайная дружина», оказали серьезное влияние на дальнейший ход всего народнического движения. Они не только стали причиной ожесточенных дискуссий в «Земле и воле», но и фактически послужили катализатором распада этой организации. Во многом именно чигиринский опыт оказал большое влияние на выработку программно-тактических положений возникшей на обломках «Земли и воли» народнической организации «Черный передел».

Результатом работы в плане **практической значимости** является то, что полученные в ходе проводимого исследования результаты могут быть востребованы при дальнейшем изучении народнического движения, при создании специальных и обобщающих работ по истории аграрного движения в России, а также при разработке курсов лекций, спецкурсов и учебных пособий по отечественной истории для высших учебных заведений.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены автором в 8 публикациях общим объемом 3,6 п.л., четыре из которых опубликованы в изданиях из списка, рекомендованного ВАК РФ. Всего же по истории

отечественной общественно-политической мысли и революционного движения XIX – начала XX вв. автором опубликовано 10 работ общим объемом 6,8 п.л., из них 5 публикаций из списка, рекомендованного ВАК РФ. Результаты исследования отражены в докладах на региональных, всероссийских и международных научных конференциях (Сургут, Нижневартовск, Чебоксары).

Структура исследования построена по проблемно-хронологическому принципу, продиктованному целью и задачами работы. Деление диссертации на главы и параграфы вытекает из логики научного исследования. Диссертация состоит из введения, 2 глав по 3 параграфа в каждой, заключения, списка использованных литературы и источников, 3 приложений.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, цель и задачи, заданы хронологические рамки и территориальные рамки исследования, характеризуется степень разработанности темы в отечественной и зарубежной историографии. Охарактеризована источниковая база, определены основные методологические подходы, выявлена научная новизна и практическая значимость исследования.

В первой главе **«Революция и крестьянство: от противоречий к сближению»** рассматривается предшествующая практика русских революционеров, начиная от декабристов, ориентированная на использование различных видов «монархических мистификаций» с целью провоцирования социального взрыва низов: от константиновской легенды, в различных ее интерпретациях, до использования идеи подложных царских манифестов («Казанский заговор»).

Анализируется социально-экономическая ситуация в Чигиринском уезде Киевской губернии в пореформенный период после реализации указа от 16 мая 1867 г. о поземельном устройстве государственных крестьян. Рассматриваются причины, вызвавшие брожение среди крестьян в начале 1870-х гг., в частности злоупотребления чиновников при проведении земельных люстраций. Показана борьба между крестьянами «актовиками» и «душевиками», репрессии властей по отношению к участникам аграрных беспорядков и появление на их фоне самобытных крестьянских вожаков таких, как Ф.Д. Прядко.

В главе представлен анализ причин, приведших к провалу «хождения в народ» на Украине. Отмечается, что на фоне неудач революционеров-народников первой половины 1870-х гг. в пропаганде социалистических идеалов среди крестьянства и на основе более тесного знакомства с жизнью и мировоззрением простого народа, среди наиболее

активной части революционного лагеря на юге России вызревает идея обращения к глубинным пластам «народного монархизма», базирующегося на вере крестьян в царскую справедливость, с целью подъема крестьян на прямое выступление против власти.

Во второй главе **«Чигиринский заговор»: от идеи до практического воплощения»** рассматривается теоретическая и организационная деятельность кружка «южных бунтарей» по подготовке в 1875 г. крестьянского восстания на Правобережной Украине, в том числе, в районе Чигирина, где не утихало брожение среди крестьян. Дается оценка неудачных практических мероприятий «южных бунтарей» по организации крестьянских выступлений. Провал попыток «южных бунтарей», опирающихся на программные положения доктрины М.А. Бакунина, вызвать широкое крестьянское движение подталкивает Я.В. Стефановича и ряд других «бунтарей» к идее использования в качестве «революционного запала» для воздействия на крестьян Чигиринского уезда «монархической мистификации», основанной на использовании подложной царской грамоты.

В главе дается подробное освещение событий, происходящих в Чигиринском уезде в 1876–1877 гг. Рассматривается организационная и практическая деятельность Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского: от сближения Я.В. Стефановича (сначала в роли ходока к царю, затем облеченного в звание «царского комиссара») с крестьянами-чигиринцами, подготовки и распространения среди них «Высочайшей Тайной грамоты», «Устава» и принятия «Обряда присяги», до непосредственной организации крестьянской «Тайной дружины» с выборным атаманом и старостствами по уездам, готовящимся к выступлению против панов и чиновников за душевой передел земли. Кроме того подробно воссоздается хроника развития самого «Чигиринского заговора», вплоть до разгрома.

В конце главы рассматривается влияние «Чигиринского заговора» на последующее развитие движения революционеров-народников. Анализируется роль чигиринских событий в углублении кризиса в «Земле и воле», приведшего к распаду этой революционной организации. Оценивается роль революционеров-чигиринцев, особенно Я.В. Стефановича, в выработке программно-тактических положений возникшей в конце 1879 г. на обломках «Земли и воли» народнической организации «Черный передел».

В **заключении** сформулированы основные выводы и подведены итоги диссертационного исследования.

Рассматривая и анализируя события «Чигиринского заговора» нельзя не отметить, что особенность исследуемой научной проблемы заключается в уникальной комбинации объективных и субъективных факторов, которые переплелись в крестьянском движении в

Чигиринском уезде Киевской губернии в 1870-е гг. Их совокупность придает неповторимый облик чигиринским событиям, позволяющим на конкретных примерах изучать механизмы работы традиционного сознания в условиях протестной активности чигиринских крестьян с учетом деятельности в их среде революционеров-народников.

Исторический опыт «Чигиринского заговора» уникален именно тем, что это был единственный в годы движения революционных народников более или менее удачный проект по созданию антиправительственного крестьянского сообщества. Парадокс в том, что этот единственный прецедент имел место не под революционными, а под монархическими лозунгами.

Однако чтобы адекватно понять психологию и мотивы акторов действий, т.е. самих крестьян, не прикрываясь только шаблонным утверждением об их «наивном монархизме», надо отталкиваясь от новых методологических возможностей на основе использования имеющегося источникового материала попытаться взглянуть на происходящие события через призму традиционной крестьянской ментальности.

Отдельного внимания заслуживает и вопрос, связанный с подобного рода революционными методами. К сожалению, практика организации «Чигиринского заговора», исходящая из принципа «цель оправдывает средства», не стала уроком для будущих поколений революционеров и им сочувствующих. В дальнейшем подобные образчики «революционной нечаевщины» в разных формах ее проявления не раз использовались российскими революционерами, что имело для нашей страны самые негативные и разрушительные последствия.

К сожалению, на примере «Чигиринского заговора» можно увидеть, как революционеры-народники способствовали укреплению в сознании последующих поколений русских революционеров мифа о революционной целесообразности и вседозволенности для достижения высших целей, основанного на принципе – «цель оправдывает средства», и подобное вольное обращение с «революционной этикой» в дальнейшем было корыстно и жестоко использовано их последователями.

Поэтому объективная, в том числе, с этических позиций, оценка революционной практики основанной на использовании «монархической мистификации», каковой и была по своей природе организация «Чигиринского заговора», также необходима и не менее важна для современных исследователей, чем детальное изучение и анализ событий происходящих на Чигиринщине в 1876-1877 гг.

Список работ, опубликованных по теме диссертации**Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:**

1. Терехова С.А. Влияние «Чигиринского заговора» на программно-тактические построения народнической организации «Черный передел» / С.А. Терехова // Исторический журнал: научные исследования. – 2015. – № 6(30) – С. 717–726. (0,9 п.л.)
2. Терехова С.А. И.Я. Павловский и Л.А. Тихомиров: к истории взаимоотношений / С.А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4(19). – С. 89–97. (0,5 п.л.)
3. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. / С.А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (25). – С. 94–99. (0,4 п.л.)
4. Терехова С.А. Мистификация и революция: «константиновская легенда» в тактических построениях русских революционеров XIX в. / С.А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4(31). – С. 77–87. (0,9 п.л.)

Статьи в научных сборниках и трудах конференций:

5. Терехова С.А. Социально-экономическая тематика в народовольческой публицистике Льва Тихомирова: 1879 – 1881 гг. / С.А. Терехова // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитарн. ун-та, 2012. – С. 69–71. (0,2 п.л.)
6. Терехова С.А. Использование идеи «народного монархизма» в практике декабристов / С.А. Терехова // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитарн. ун-та, 2014. – С. 100–102. (0,2 п.л.)
7. Терехова С. А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в нач. 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф.Д. Прядко / С.А. Терехова // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитарн. ун-та, 2013. – С. 69–71. (0,2 п.л.)
8. Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в оценках революционной печати 1878–1880-х гг. // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 4 (6) – С. 36 – 38. (0,3 п.л.)